

Е. Меламед

ПОРИЦКИЙ БИБЛИОФИЛ

Мир праху твоему, благородный Чацкий. Ты любил
мир и просвещение! Ты любил человека...

Т.Г.Шевченко

В свое время имя забытого сейчас польского просветителя Тадеуша Чацкого (1765—1813) было популярно в России. Даже сегодня, когда оно известно лишь немногим специалистам, сохраняются еще вещественные доказательства былой славы. В окрестностях Житомира есть скала Голова Чацкого, а в ботанических атласах можно отыскать название безлистного растения из рода лилиевидных, которое с легкой руки украинского ученого А. Анджеевского получило необычно громкое название *Czackia liliastrum*.

I

Тадеуш-Игнатий-Цезарь-Августин-Иосиф-Иоан-Непомук-Онуфрий Чацкий (именно так звучит полное имя польского ученого) принадлежал к знатному и богатому роду, основатель которого Петр-Яков в конце XIII столетия был гнезненским архиепископом¹. На протяжении многих веков Чацкие играли заметную роль в политической жизни Речи Посполитой. И Тадеуш в восемнадцатилетнем возрасте одолевал первые ступеньки служебной карьеры.

Юноша Чацкий хорошо понимал, что политически расшатанная Польша нуждается не в кабинетных, а в общественных деятелях. Этим, в частности, объясняется тот факт, что его научные изыскания надолго принимают практическое направление. Отмечу сразу, что большая часть начинаний Чацкого, задуманных умно и смело,

¹ Житомирский облгосархив, ф. 146, оп. I, ед. хр. 6468, л. 249.

Портрет Т. Чацкого

впоследствии принесла довольно скромные результаты. Буржуазные польские историки объясняли это неблагоприятно сложившимися обстоятельствами, сам Чацкий в одном из писем «кивал» на коллег, у которых «богом является эгоизм, а невежество, зависть и препятствование лучшим намерениям — достоинством».

Неудовлетворенность государственной службой и положением страны в целом вскоре привели его в стан польских патриотов. В 1794 г. царский посланник в Польше барон Игельстром донес в Петербург о деятельном участии Чацкого в национально-освободительном движении под предводительством Тадеуша Костюшко. Ученого обвинили в «якобинстве», часть его имений была конфискована и роздана в качестве бенефиций помещикам, заслужившим доверие царского правительства.

На основании одного этого факта трудно, разумеется, судить о политических симпатиях польского просветителя. Но среди польских революционеров и участников восстания 1831 г. было немало его учеников и сподвижников.

Один из них, Густав Олизар, поэт и активный участник тайных обществ (в русской литературе он, между прочим, известен романтической любовью к Марии Николаевне Раевской и обменом поэтическими посланиями с Александром Сергеевичем Пушкиным) писал впоследствии о своем учителе: «...если нынешнее поколение наше, столь много претерпевшее ради дорогого отечества, не может забыть, сколь обязано оно Чацкому, укрепившему в сердцах неугасимое чувство долга, то что же должен чувствовать я. Ведь для меня Чацкий был вторым отцом, нежным заботливым опекуном юных моих лет. Смерть отца сделала меня сиротой, но еще больше осиротел я со смертью Чацкого»².

В историю науки Тадеуш Чацкий вошел как талантливый этнограф, историк, правовед, педагог-реформатор.

Его наследие, однако, включает в себе не только ученые труды. Куда больше Чацкий известен как организатор науки, один из учредителей варшавского «Общества друзей наук», «Торгового общества» и Волинского лицея

² «Русский вестник», 1893, т. 227, с. 11.

Здание Кременецкого лицея в конце XIX в.

в городе Кременце, на базе которого впоследствии был образован Киевский университет.

Последние десять лет своей жизни ученый занимал пост генерального визитатора (инспектора) учебных заведений Киевской, Подольской и Волынской губерний. Яснее всего о плодотворности его усилий на этом поприще говорят две цифры, которые я не могу не привести здесь. Когда в 1803 г. Чацкий принял должность визитатора, в трех названных выше губерниях было всего 5 учебных заведений, когда умер — 127³.

II

О библиофильских увлечениях польского просветителя писали мало, а если и упоминали, то как-то мельком. Между тем эта сторона его деятельности, тесно связанная с просветительской, — также по-своему интересна и поучительна.

³ «Русское слово», 1859, с. 26.

Книги, рукописи, древние манускрипты Чацкий собирал всю жизнь. Еще в детстве под влиянием своего первого учителя Фаустина Гродзицкого он проникся чувством глубокого уважения к историческому прошлому родины. В дальнейшем это чувство еще больше укрепилось в нем. Мемуаристы указывают, что в юности Чацкий слушал в Варшаве лекции по истории и статистике у таких крупных знатоков, как Адам Нарушевич и Ян Альбертранди, в то время он покупал множество книг и рукописей, которые отсылал в Порицк⁴, где составлялась его библиотека. Будучи уже в зрелом возрасте, ученый охотно посвящал свободное время польской этнографии, разъезжал по старинным замкам и кляшторам, разыскивал памятники седой старины, не жалел средств на приобретение произведений писателей древности.

Случалось, что, отойдя на время от общественной деятельности, пан Тадеуш месяцами занимался исключительно составлением своей библиотеки. Так было, например, в 1790 г. после того, как на выборах победила Тарговицкая конфедерация — антинародная группировка польских дворян. Чацкий вышел из состава финансовой комиссии Сейма и, женившись на Варваре Дембинской, искал, как сказано в одном из писем, «деревенского спокойствия и личного счастья семейной жизни». Двух искусных врачей — любовь и книгу — призвал ученый на помощь в минуту тяжелого душевного кризиса.

Тогда же, в начале 90-х годов, у него возникает замысел завершить «Историю польского народа» своего учителя А. Нарушевича. Это монументальное произведение, изданное в Варшаве в 1780—1786 гг., было доведено автором до Владислава Ягеллы (XIV в.), и Чацкий предполагал продолжить изложение, приблизив его к современным ему событиям. В письме к королю Станиславу-Августу Понятовскому он называет себя польским историографом, совершает путешествие по Польше и посещает города Гнезно, Познань, Калиш, Куявы, где имелись ценные в историческом отношении библиотеки.

Получив дозволение пользоваться богатым книжным и рукописным собранием Понятовского, Чацкий заодно

⁴ Родовое имение Чацких. Ныне с. Павловка Иванического района Волынской области.

добивается у папского литовского нунция права читать запрещенные исторические труды, недоступные прежде исследователям, а в 1802 г. получает разрешение от прусского короля Фридриха-Вильгельма работать в тайном архиве крестоносцев в Кенигсберге. В результате появляется обширный двухтомный труд Чацкого «О польских и литовских правах, содержащихся в первом статуте для Литвы, изданном в 1529 году» (Варшава, 1800—1801) и крупное сочинение «Было ли римское право основой прав литовских и польских» (Вильно, 1809), прославившие имя автора в научных кругах.

Главного же своего замысла Т. Чацкий так и не осуществил. Я пишу об этом так подробно, потому что многолетняя подготовительная работа, которую проводил ученый, прежде чем реализовать давнее желание, самым благотворным образом сказалось на комплектовании его библиотеки: она пополнялась за счет книг и рукописей, которые Чацкий во множестве приобретал во время своих путешествий, и за счет копий, которые он снимал с уникальных документов в различных архивохранилищах Европы.

III

Сколько-нибудь полное описание библиотеки Чацкого до нас не дошло, как не дошел ни один из ее каталогов. По данным Алоизия Осинского, друга и первого биографа польского просветителя, которые в основном совпадают с другими более поздними источниками, она насчитывала 8508 старопечатных произведений (а с брошюрами свыше 20 000 единиц) и 1558 рукописных томов, содержащих 146 258 различных исторических документов⁵.

Это было типичное собрание крупного европейского библиофила XVIII века, которое в соответствии с разнообразными интересами его владельца делилось на семь разделов: философия, право, теология, медицина, математика, история, филология. Филологический раздел был самым крупным и состоял из 5260 томов. О его полноте и уникальности говорит, между прочим, следующий факт.

⁵ O zyciu i pismach T. Czackiego przez ks. A. Osinskiego. Krzemienec, 1816, 8. 218.

В 1814 г. в Варшаве была издана история польской литературы профессора Феликса Бентковского, наиболее авторитетное для того времени справочное пособие. Однако в нем не указаны многие редкие издания, оказавшиеся в порицкой библиотеке.

Безусловно, наиболее ценной частью собрания Чацкого была коллекция рукописей. Третью их описал Л. Голембиовский в каталоге — вероятно, также рукописном, насчитывающем 1212 страниц малого формата. Среди рукописей были исторические акты, корреспонденция, записки разных лиц (копии и оригиналы), военные репортажи, материалы по польской статистике и т. п. Достаточно полно были представлены разделы литературы, философии, истории, права, теологии, математики, медицины, алхимии, сельского хозяйства. Имелись кроме того 22 тома рукописей на восточных языках (китайском, турецком и арабском) и черновые автографы произведений и речей самого Чацкого. Хронологически эта огромная коллекция охватывала эпохи царствования почти всех польских монархов от Сигизмунда I до Станислава-Августа.

Выше уже говорилось о том, как собирались в течение многих лет эти сокровища. Добавлю только, что часть рукописей была подарена владельцу Порицка Станиславом-Августом и другими высокопоставленными особами. Как и большинство собирателей, пан Тадеуш был человеком пылким и увлекающимся и, чтобы добыть недостающий раритет, готов был на все. Поговаривали, что иной раз в таких случаях он не гнушался хитрости и обмана. Не знаю, сколько здесь правды, но тем не менее считаю нужным упомянуть об этом.

IV

В начале этой статьи отмечалось как несомненный факт: крупный ученый и обладатель богатого книжного и рукописного собрания был хорошо известен в России. Сохранилось письмо к Чацкому начальника Оружейной палаты сенатора П. С. Валуева, из которого следует, что польский ученый плодотворно сотрудничал с московским Обществом истории и древностей российских. Примечательный факт в биографии Чацкого и его взаимоотношения с Н. М. Карамзиным.

В период написания «Истории государства Российского» Карамзину по указу Александра I предоставлялась возможность пользоваться всеми архивами и библиотеками, «которые к сочинению российской истории могут быть для него нужными». Известно, что «нужными» оказались не только государственные архивохранилища, но и частные собрания. По заключению специалистов, «документы из частных собраний составили значительную часть источниковедческой базы „Истории“»⁶.

Были названы и библиофилы, к услугам которых приходилось прибегать Карамзину: Н. Н. Бантыш-Каменский, А. И. Мусин-Пушкин, А. Ф. Малиновский, Р. А. Толстой, Н. П. Румянцев. Сегодня есть все основания включить в этот список и имя польского ученого. 28 февраля 1809 г. Карамзин писал своему давнишнему приятелю и бессменному ходатаю по книжным делам А. И. Тургеневу: «Желал бы я взглянуть на книгу графа Чацкого». Впоследствии, при публикации письма, адресат уточнил, какую именно книгу имел в виду историограф,— «О караимах» (Вильно, 1807) и прибавил, что «все вообще труды графа Фаддея Чацкого дают богатый материал для истории Литвы»⁷.

Вероятно, так же считал и сам Карамзин, наверняка он был осведомлен и о богатой библиотеке польского коллеги. Во всяком случае интерес к Чацкому оказался устойчивым и послужил толчком к их переписке и сотрудничеству. В пространном и не лишённом интереса письме к Т. Чацкому, датированном 4 августа 1810 г., российский историограф, между прочим, писал: «Очень меня обяжете, если будете любезны прислать мне по почте в Москву на мое имя копии писем князя Острожского к Зигмунту о Дмитрие-Самозванце. Также и собственный Ваш труд о еврейском народе, то есть о крымских евреях. У меня его нет. Нарушевич заставил меня обучаться польскому, и таким образом я смогу понять Вас.

Смею просить Вас еще об одной услуге. Есть у Вас английский перевод одного арабского путешественника, который был в районе Каспийского и Черного моря, если

⁶ «Советские архивы», 1977, № 3, с. 66.

⁷ «Русская старина», 1899, т. 99, с. 225.

не ошибаюсь в X веке⁸. Вы оказали бы мне, милостивый государь, большое одолжение, если бы переслали эту книгу на время. Я возвратил бы ее Вам по почте. Этого достаточно для начала нашей корреспонденции»⁹.

Письмо это, единственное дошедшее до нас и являющееся ответом на неизвестное послание польского ученого, примечательно тем, что устанавливает самый факт общения Карамзина с Чацким. находка остальных писем, думается, расширила бы наше представление о характере сотрудничества двух ученых. В упомянутой книге А. Осинского есть указание на то, что автор «Истории государства Российского» нередко пользовался материалами Чацкого и в свою очередь охотно предоставлял ему собственные исследования.

Письмо также содержит некоторые дополнительные сведения о составе библиотеки Тадеуша Чацкого. И то обстоятельство, что Н. М. Карамзин, знакомый с европейски-знаменитыми книжными собраниями, нашел здесь нужные ему книги и документы, без сомнения подтверждает ее большую историческую ценность.

V

Едва ли не в каждом жизнеописании польского просветителя приводится впечатляющий факт о том, что первую свою школу Чацкий открыл в 12-летнем возрасте. Для этого он выпросил у отца небольшой домик, поместил в нем учителя (Ф. Святковского) и учеников — детей домочадцев и нищих жителей Порицка — и содержал их на деньги, которые выдавались ему на развлечения.

А. Осинский, который, если не ошибаюсь, первым сообщил об этом, писал, что «одно чувство, одно благородство побуждений двигало им, когда в детстве он создавал школу для бедняков в Порицке и в зрелом возрасте — Волынскую гимназию».

О Волынской гимназии (в 1819 г. она была переименована в лицей) существует большая и разнообразная

⁸ Очевидно, имеется в виду «*Oriental Geography of Ybn-Haukal, an Aralian Traveller of the Tenth Century*», L., 1890.

⁹ Полностью письмо опубликовано мною в журнале «Русская лите ратура», 1976, № 3, с. 54, 55.

литература. В первой четверти XIX в. она вполне справедливо считалась одним из лучших средних учебных заведений России. Сам Чацкий, ревниво следивший за каждым шагом своего детища, писал спустя четыре года после ее основания: «...там, где несколько десятков учеников достойны медали, где каждый из жителей с восторгом смотрит на эти отрасли, нашей рукой прищепленные, там с гордостью могу сказать: «смотрите и судите!»¹⁰.

Смотрели. Многим хотелось увидеть воочию «Кременецкий Олимп». Современник, посетивший Кременец в том же 1809 г., писал: «Кременецкая гимназия библиотекою своею и кабинетами натуральных произведений, математических инструментов, собранным неутомимым Чацким, уступает редкому университету; все манускрипты, академические творения, древние и редкие издания, какие могли сыскаться во всем здешнем краю, туда собраны, что отыскаться могло во всех трех царствах природы по здешнему краю все нарочно посылаемыми профессорами разыскано и описано. Можно, однако, прибавить, что редкий университет в Европе имеет такие пособия»¹¹.

О библиотеке, в комплектовании которой с редким энтузиазмом участвовал сам визитатор, речь особая. Е. А. Колесник, много лет посвятившая изучению кременецкой коллекции, считает, что она и сейчас является одной из наиболее ценных на Украине¹². Основная и, пожалуй, наиболее весомая часть этой коллекции — так называемая «Королевская библиотека» (*Collectio Regia*), широко известное в XVIII столетии собрание последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского (1723—1798). В Кременец оно попало благодаря стараниям Чацкого, который, будучи в свое время одним из немногих читателей этой библиотеки и потому знавший ее исключительную ценность, старался заполучить ее для гимназии.

Почти два года длились переговоры с наследником Понятовского, и только 19 мая 1805 года в письме к Гуго Коллонтаю (также известному польскому просветителю)

¹⁰ «Русское слово», 1859, № 9, с. 22.

¹¹ «Волынские записки, сочиненные С. Руссовым в Житомире». Спб., 1809, с. 119, 120.

¹² См.: «Український історичний журнал», 1970, № 6, с. 117.

Чацкий смог сообщить: «...для Волынской гимназии купил Королевскую библиотеку, медали, астрономическую обсерваторию и естественнонаучный кабинет за 15 000 червонных золотых»¹³.

Так, уже в самом начале, гимназическая библиотека приняла большое количество выдающихся произведений, написанных на девяти европейских языках. Для примера назову только два из них «Historia de animalibus»¹⁴ Аристотеля (Венеция, 1476) и «Ars memorativa», пособие по мнемотехнике из типографии Иоганна Бемлера (Аугс-бург, 1479), ныне украшающие коллекцию инкунабул АН УССР.

Не менее ценным приобретением было собрание историка и мецената князя Юзефа Яблоновского (1712 — 1777), подаренное Чацкому для гимназии дочерью собирателя, княжной Теофилой Сапегой. *Collectio Jablono-viana* насчитывала 4000 томов (почти все раритеты), из которых 144 были инкунабулы¹⁵.

Обогащалась библиотека и за счет более мелких пожертвований Ф. Шейдта, графа Ф. Мошинского, В. Анастасевича, князя Адама Чарторыйского и др. Целый ряд книг были подарены гимназии Чацким и членами его семьи.

В 1834 г. в момент перевода Кременецкого лицея в Киев и его реорганизации лицейская библиотека состояла уже из 34 000 томов, из которых более половины было собрано во времена Чацкого и во многом благодаря его усилиям. Символично, что после смерти просветителя, когда его тело, согласно завещанию, было погребено в Порицке, сердце ученого поместили в золотую урну, которая была установлена в библиотеке лицея с евангелической надписью: «*Ubi thesaurus tuus, est sag tuum*» — «Где богатство твое, там и сердце твое».

* * *

Рассказ о Чацком-библиофиле явно выглядел бы неполным, не расскажи я о судьбе его собственной библиотеки. Долгое время об этом ничего не было известно.

¹³ Н. Kollontaj). *Korrespondencya listowna z Tadeuszem Czackim*. Т. III, Krakow, 1844, s. 100, 101.

¹⁴ «История животных» (лат.).

¹⁵ См.: Каталог инкунабул. Уклав Б. Зданевич. К., 1974, с. 10.

Версия биографа Чацкого Ф. Кудринского о том, что библиотека была передана лицу, не подтвердилась при проверке книг из кременецкой коллекции, находящихся ныне в фондах АН УССР.

И только совсем недавно ко мне в руки попала позабытая книга польского историка Ф. Радзишевского о знаменитых библиотеках и архивохранилищах на территории Польши и в западных губерниях России. В заметке о порицкой библиотеке автор среди прочего сообщал, что в 1819 году, после смерти Тадеуша Чацкого, вдова его продала за 12 000 червонных злотых польскую часть библиотеки и почти все рукописи бывшему патрону визитатора, князю Адаму Чарторыйскому¹⁶ и, таким образом, наиболее ценная часть собрания осела в пулавской библиотеке Чарторыйских¹⁷. Остальные книги (около 6000 томов) и рукописи находились в Порицке вплоть до 1831 г. и были затем куплены у наследников Чацкого графом Т. Дзялынским.

Хочется думать, что распродажа книг и рукописей, которую предприняла Варвара Дембинская, носила вынужденный характер. Из мемуарных источников известно, что незадолго перед смертью Чацкий находился на грани разорения. Любимое детище визитатора, Вольнская гимназия, поглотила не только его здоровье и душевные силы, но и немалое наследие предков. Очевидно, оставшись без средств к существованию, вдове Чацкого ничего не оставалось как посягнуть на то единственное богатство, которое оставил покойный просветитель.

¹⁶ F. Radziszewski. Wiadomosc historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekaach i archiwach publicznych i prywathych... w Krolewstwie Polskiem, Galicyi, w ks. Poznanskiem i zachodnich guberniach Panstwa Rosyjskiego . Krakow, Paktadem autora, 1875, s. 63. За указание на этот источник приношу благодарность Е. А. Колесник.

¹⁷ После 1831 года эта библиотека распалась и большая ее половина была привезена в Петербург. Здесь часть книг была передана в библиотеку Генерального штаба, 7228 томов поступили в Публичную библиотеку, остальное разошлось по самым различным учреждениям.